

- контркультура -

Параллельный мир поп-арта

Никто и не думал, что приключения смешного сокращения английского слова popular, появившегося в начале 50-х, так затянутся. Послевоенное поколение хотело разрушить капитализм, освободить народы, дать волю сексуальным потребностям и исколесить весь мир. Веселая утопия на фоне послевоенного времени, наркотиков и любви нашла отражение во всех сферах жизни.

В то время не было спонсоров, мировой индустриализации, сотовых телефонов и кабельного телевидения. Виртуальные миры были химерой, а невероятной сенсацией – высадка астронавтов на Луне. В благословенные 60-е можно было протестовать против всего и не только требовать иной культуры, но и жить по иным правилам. Контркультура была реальностью, существовало два мира: старый, обреченный на поражение, и новый, многообещающий, где во всем виделась нирвана, peace and love.

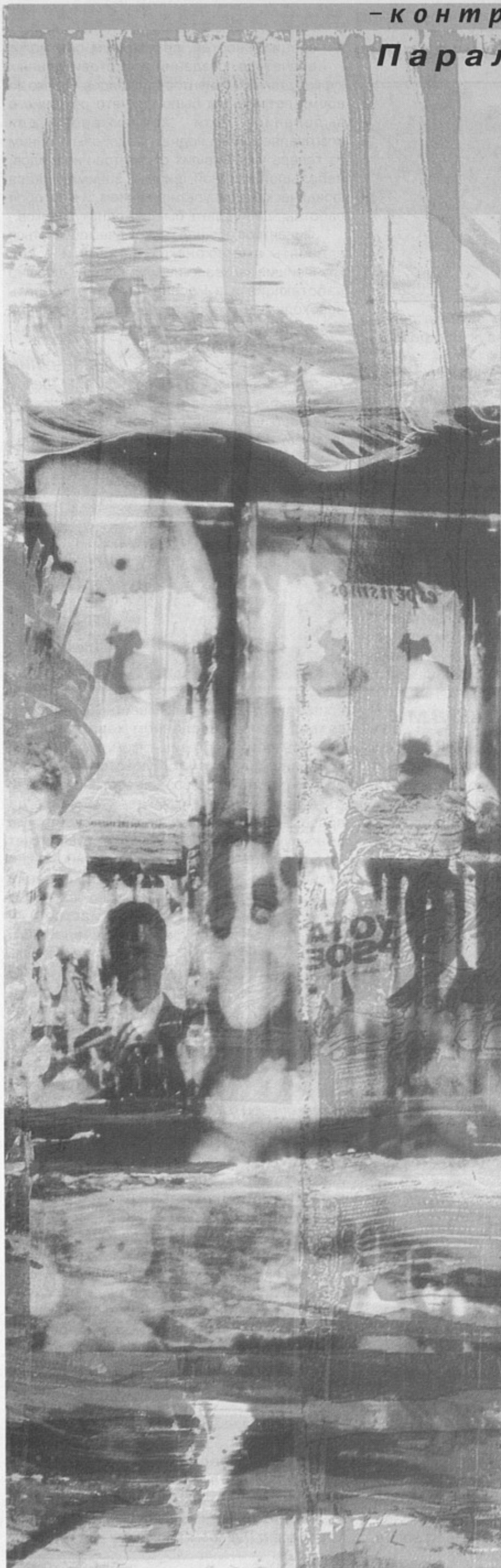
Родители были “старыми буржуями”, полиция - орудием власти, а единственным союзником – студии грамзаписи. Рожденные после войны, в период, любовно окрещенный baby boome, требовали своего места в обществе и не хотели, чтобы им его указывали. Подростки хотели свободы передвижения и свободы любви сегодня и прямо сейчас. Они осуждали общество потребления. В любом споре вставал вопрос об идеологии. Приближалась революция - сексуальная и психоделическая. У каждого был свой способ победить: свободная любовь, LSD или рок-н-ролл. Главное – верить!

Сегодня мы вспоминаем о годах Энди Уорхола, как о чем-то святом. В потерянном рае, забрызганном красными, синими, желтыми пятнами поп-арта, где звучали музыка Джимми Хендрикса и потрясающий раскатистый голос Джанис Джоплин, было доступно все. Мы совсем забыли, что эти годы оказались жестокими, и что тогда каждый спешил жить. Шестидесятые были эпохой холодной войны, с грохотом танков в Будапеште в 1956-м году и повторением ситуации в Праге в 1968-м. Была война в Алжире, во Вьетнаме, на Кипре, на Ближнем Востоке, в Нигерии, был военный переворот в Греции, восстания чернокожего населения в Южной Африке и в США, религиозные конфликты в Северной Ирландии.

В те годы, когда все жили как на раскаленных углях, освободиться стремились не только отдельные люди, но и целые народы. Без крови не обходилось. Возможным было все: поцелуи, ласки, удары ножом и пушечные выстрелы. Make love, not war... Словом, была масса причин, чтобы чувствовать себя счастливыми.

По миру слонялись длинноволосые бородатые хиппи с гитарами. Эти свободные и беспечные молодые люди резко отличались от ярых борцов за свободу, “сознательных”, политизированных революционеров. Последние говорили о Марксе, выступали против неумеренного потребления наркотиков, мечтали растряссти апатичную молодежь и разбудить старый мир. “ЛСД – опиум для народа, товарищи”. Товарищи поднимали мутные глаза и блаженно улыбались: “Peace, man!” Так проходили дебаты. Все те, кто хотел покончить с обществом потребления, мечтали о коммунизме во всем мире, молились на Кастро, Мао, Хо Ши Мина и никак не ожидали ни южно-вьетнамской заварухи в Сайгоне в 1975 году, ни обнаружения несколько лет спустя груд трупов красных кхмеров в Камбодже...

Политика? Тем, кто жил в сообществах, было все равно. Главным злом для них оставалась буржуазная семья, лицемерная жизнь супружеских пар, устаревшая традиция, которую они отказывались продолжать. Поэтому они решили, что все должно быть общим, и в первую очередь любовь. Свободный союз, нудизм, “шведская семья” стали обыденным делом и сопровождались вечными вопросами: “Нужно ли закрывать дверь в спальню и могут ли дети на это смотреть?” В одних квартирах боролись с застойной моралью, снимая с петель дверь в туалет, в других жили по несколько семей, как в советских коммуналках. А кто-то устанавливал ванну посреди гостиной. Власть цветов была повсюду. Хиппи ходили в сандалиях, и от них исходил аромат пачулей. На этой волне

- контркультура -

Параллельный мир поп-арта

эксгибиционизма, когда при первых лучах солнца одежда летела на землю, на острове Уайт или Вудстоке тело превращалось в инструмент. Любовь и похоть стали почти синонимами.

С легкостью, на какую только способен авангард, художники этого времени обновили специфический язык живописи. Они обратились к сращиванию предметного мира с абстрактными композициями. Наряду с общим беспрецедентным нигилизмом отдельные случайные вещи вдруг подверглись безудержной эстетизации. И поистине неисчерпаемым стал арсенал художественных средств поп-артистов: помятая форма автомобилей и чучела птиц, топоры, лопаты, предметы кухонного обихода, обложки комиксов, обрывки рекламы, разбитые рояли и прочий хлам. Как писал американский критик Алан Соломон "художественную ценность можно найти в любом предмете, даже в отбросах на улице". Конечно, буржуазному обществу все это не нравилось. С критикой поп-арта выступили социологи, эстеты и искусствоведы. Герберд Рид в журнале "Студио Интернейшнл" упрекает поп-арт за отсутствие художественного стиля, считая творчество Раушенберга и Уорхола антиискусством. Он рисует картину чудовищного художественного упадка, связанного с господством общественного искусства. "Мы становимся свидетелями не только упадка современного искусства, но и умственного упадка, провала в ад, куда нас влекут интеллектуально пустые и бездушные вандалы от искусства. Пора найти ярлык для этого противоречивого явления современности. Это - антиискусство... Оно не имеет корней в истории культуры народов, оно служит торгашам для рекламы товаров или различных видов развлечений - спорта, кино, танцев. Это продукт капиталистической конкуренции, поэтому его не найти в некапиталистических странах. Единственное, что достигнуто этим искусством - это то, что оно привело в замешательство критиков. Но критиков формируют не художники, а общество, которое потеряло способность оценки. Скучающее и пустое, оно требует различных банальных или сенсационных развлечений..."

В 1969 году Йоко Оно и Джон Леннон провели свой медовый месяц в кровати. Они начали неделю "постельной забастовки" против войны. "Sweet days, indeed..." Репортеры врываются к ним в комнату, пинали ногами подушки, извинялись и ...усаживались покурить травки. Это было время громадной популярности экзистенциалистских романов, и философских сочинений, внушающих обществу мысль, что рационального выхода из противоречий этого мира не существует. Остается только дерзкая внутренняя свобода, бросающая вызов всему. Такое было время. Никто не знал ничего о СПИДе и о передозировке.

Все то, что создали 60-е, было сметено последующими десятилетиями. От переизбытка наступает потеря иллюзий. Движение поп теряет свою молодежную окраску. Все, что раньше было альтернативной культурой, стремлением изменить мир, оспариванием ценностей, превратилось в реакцию. Молодые безумцы, срывающие с себя одежду и выбегающие на футбольное поле посреди матча, превращаются просто в нарушителей спокойствия. От Beatles мы плавно перешли к Дэвиду Боуи и Роду Стюарту. Поп-музыка становится все более сумасшедшей, все более популярной - и все менее мятежной. Попахивает диско!

Элвис Пресли уже не влезает в свои костюмы, каждое утро самолетом ему доставляют гигантские бутерброды с арахисовым маслом. В Германии левые впадают в маразм терроризма. Энди Уорхол становится жертвой покушения психопата. Нефтяной кризис напомнил всем, что роскошь шестидесятых - в прошлом. Молодежь, которая плевала на общество потребления, узнает, что такое безработица. И это еще не все. В конце 70-х в Нью-Йорке сталкиваются с новой болезнью, аббревиатура которой станет синонимом смерти: СПИД. В 1979 году ABBA бьет рекорды по продажам дисков, Sex Pistols завывают "Боже, храни королеву". Погибает Леннон. Кругом хаос. На горизонте восьмидесятые...

Н. СЕРЕБРЯКОВА

Материал оформлен композициями Спиридона Невена Дюмона

